

18+

Вячеслав Марченков

Игра
со
смертью

Вячеслав Марченко

Игра со смертью

«Издательские решения»

Марченков В.

Игра со смертью / В. Марченков — «Издательские решения»,

Эта книга, продолжение детективного романа «Закон мести». Алевтина много лет назад потеряла всю семью в трагических обстоятельствах и нашла убежище в Тель Авиве. Чтобы расставить точки над і в давней истории она едет в Россию. Толчком становится находка: записка от дедушки Ицхака, в которой говорится о спрятанных под Москвой сокровищах — и о том, что за ними тянется клубок опасных тайн. Но чем дальше она продвигается в поисках, тем яснее понимает: доверять нельзя даже родным.

© Марченков В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Неожиданное решение	7
Глава 2	9
Тень прошлого	9
Глава 3	11
Игра начинается	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Игра со смертью

Вячеслав Марченков

© Вячеслав Марченков, 2026

ISBN 978-5-0071-3075-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Мсть — тёмное пламя, рождающееся в глубине души, когда рана от несправедливости оказывается слишком глубока, чтобы её можно было просто залечить прощением. Она не вспыхивает мгновенно, как гнев, — она тлеет долго, питаясь обидой, унижением, горечью утраты. Сначала это едва уловимый шёпот в сознании: «Они должны заплатить». Он звучит едва слышно, словно сквозняк в разбитом окне, но с каждым днём становится всё настойчивее.

Вначале мсть похожа на тень, скользящую по стенам комнаты в лунные ночи. Она не требует действий — только размышлений. Человек ловит себя на том, что непроизвольно прокручивает в памяти тот самый момент: взгляд предателя, слова клеветы, звук захлопнувшейся двери, отрезавшей путь к доверию. Воспоминания оживают с пугающей чёткостью — он замечает детали, которые раньше ускользали: дрожь в голосе обидчика, едва заметную ухмылку, нервный жест руки. Эти мелочи, словно осколки стекла, вбиваются в память и не дают забыть.

Постепенно шёпот превращается в холодный расчёт. Мсть перестаёт быть эмоцией — она становится проектом. Человек начинает продумывать последовательность: не хаотичный удар, а выверенный ход, где каждый элемент имеет значение. Он изучает привычки тех, кому хочет отомстить, подмечает их слабости, просчитывает реакции. В этом есть что-то почти научное — как если бы он составлял формулу возмездия, где переменные — это слова, время и обстоятельства, а итогом должно стать то самое мгновение, когда обидчик испытает хотя бы часть той боли, что испытал он сам.

Но парадокс мсти в том, что, нанося удар в ответ, человек уже не может остаться прежним. Она, как ядовитая лоза, оплетает и того, кто её взрастил. В момент торжества, которого так ждали, вместо облегчения приходит странное опустошение. Пламя, которое должно было согреть душу справедливостью, оставляет лишь пепел. И тогда возникает вопрос, которого раньше не было: а что дальше? Можно ли вернуть то время, когда сердце ещё не знало этой тяжести? Можно ли снова научиться доверять, если собственный разум так ловко научился строить ловушки?

Мсть редко бывает просто актом возмездия. Она — попытка восстановить нарушенный миропорядок, вернуть себе ощущение справедливости, которого лишили. Но мир, восстановленный через мсть, оказывается искажённым отражением прежнего: в нём больше нет наивности, меньше света, а каждый новый человек воспринимается сквозь призму старого предательства. И тогда становится ясно: цена, которую платят за возмездие, измеряется не мгновением торжества, а годами, которые придётся прожить с грузом совершённого — с тенью, что больше не скользит по стенам, а поселилась внутри навсегда.

Глава 1

Неожиданное решение

Тель-Авив дышал жарой и солью Средиземного моря. Полуденный зной окутывал город, превращая улицы в раскалённую печь, где даже воздух казался густым и вязким, будто пропитанным расплавленным солнцем. Он дрожал над асфальтом, искажая очертания зданий и создавая иллюзию миража — словно город медленно таял под безжалостными лучами, падающими с безбрежных высот голубого неба.

Аля стояла у окна своей небольшой квартиры на пятом этаже, вглядываясь в эту пелену раскалённого воздуха. Солёный пот стекал небольшими струйками по вискам и по лбу, иногда попадая в красивые, серо-зелёные, словно у дикой кошки, глаза женщины, но она не замечала его, потому что взгляд был прикован к улице внизу. Там, в тени пальм, лениво покачивающихся листьями, прогуливались туристы: кто-то фотографировал фасады старинных домов, кто-то прятался под зонтами, обмахиваясь путеводителями. Шум города — гул машин, крики чаек над портом, обрывки разговоров на разных языках — доносился сюда приглушённо, словно сквозь толщу воды, и от этого тишина в комнате казалась ещё более гнетущей.

Пальцы непроизвольно теребили медальон на шее — единственное, что осталось от дедушки Ицхака. Он был прост: серебряный кружок с тонкой гравировкой по краю, слегка потускневший от времени. Но внутри хранилась крохотная фотография — драгоценный осколок прошлого. Она провела кончиком пальца по стеклу медальона, словно пытаясь коснуться их через годы, после чего коснулась им своей правой щеки, где от бывлой бурой опухоли, уродовавшей её молодое лицо, остался лишь маленький, белый шрам, едва заметный чужому взгляду.

— Не зря славится в мире израильская медицина!

Подумала Алевтина.

— Но сколько операций пришлось перенести прежде, чем избавиться от уродства.

Она тряхнула головой, словно скидывая с себя остатки неприятных впечатлений, связанных с опухолью, и тихо прошептала:

— Но теперь всё позади!

Тут же при этом хмыкнув:

— Впрочем, как и молодость, оставившая от бывшего счастья лишь взрослую дочь, которая давно обучается в престижном университете Израиля и забегает к маме только по праздникам, да этот медальон, подаренный дедушкой.

Аля осторожно открыла крышку. На выцветшем снимке — седобородый старик с мудрым, чуть усталым взглядом, её родители, маленькая сестра с бантом в волосах и муж в неизменно чёрных очках, обнимающий её за плечи. Все те, кого она потеряла в вихре лихих 90-х.

Лица были слегка размыты временем, но Аля помнила их наизусть: широкую улыбку отца, которая всегда согревала в самые хмурые дни. Перед глазами всплыл образ: папа, завязавший недавно с алкоголем, ещё крепкий и полный сил, сидит у окна, читает газету, а потом вдруг поднимает глаза, замечает её и улыбается так, что на душе сразу становится светлее. И уже другая картина, тяжёлая и горькая: отец, исхудавший, с ввалившимися глазами, лежит в больнице. Он уже не мог говорить, только сжимал её руку, и в его взгляде читалась не боль, а бесконечная любовь и благодарность за то, что она рядом. Он умер от онкологии, тихо, почти незаметно, как будто просто уснул. Аля до сих пор чувствовала вину за то, что не смогла его спасти, что не хватило сил, денег, возможностей... И ещё одну вину — самую тяжёлую: в тот страшный день, когда бандиты ворвались в их квартиру, она была здесь, в больнице, держала

отца за руку, слышала его последний вздох. Она не могла им помочь — ни маме, ни Лизе, ни мужу.

Рядом с отцом на фото — мама. Добрая, заботливая, с тёплыми руками и нежным голосом. Она всегда знала, как утешить, как подобрать нужные слова. Аля вспомнила, как мама пекла пирожки — их запах разносился по всей квартире, а Лиза, её младшая сестра, ещё совсем подросток, тайком таскала горячие кусочки, обжигая пальцы. Лиза... озорная, смешливая, с бантом в светлых волосах, вечно придумывала какие-то шалости. Она так мечтала стать художницей, рисовала повсюду — на полях тетрадей, на салфетках, даже на стенах, пока мама не видела.

А рядом с ними — муж. Слепой, но такой сильный духом. Он потерял зрение ещё до их встречи, но это не мешало ему жить полной жизнью, работать, любить. Он всегда говорил, что видит мир сердцем, и Аля верила ему. Его руки, такие чуткие и нежные, помнили каждый её шрам, каждую морщинку. Он обнимал её так, будто хотел защитить от всего мира.

Воспоминания нахлынули волной, погружая женщину всё глубже и глубже в счастливое прошлое, оборвавшееся так внезапно. Перед её глазами тут же всплыли смех за праздничным столом, она даже почувствовала невероятный запах маминых пирожков, шелест страниц дедушкиных книг... А потом всё оборвалось.

Она вспомнила тот день — последний день, когда они все были живы. Она спешила в больницу, поцеловала Лизу в макушку, обняла маму, коснулась руки мужа. «Я ненадолго, — сказала она. — Буду после обеда». Но вернулась уже в опустевшую квартиру, где на полу остались следы борьбы, а в воздухе ещё витал запах пороха и страха.

В груди что-то сжалось — боль, тоска, гнев. Всё смешалось в один клубок, который годами копился внутри, давил на сердце, не давая дышать полной грудью. Почему она осталась с отцом в его последние минуты, а не была там, рядом с остальными? Может, если бы она была дома... Но эти «если бы» уже ничего не изменят.

Аля глубоко вздохнула, сжала медальон в ладони, ощущая его прохладный металл.

— Эх, Россия, Россия... — прошептала она, и голос её дрогнул, срываясь на шёпот. — Я должна вернуться. Я обязательно должна вернуться, чтобы хотя бы взглянуть на могилы моих близких, дорогих моему сердцу людей и прикоснуться к ним рукою!

На глазах заискрились маленькие капли прозрачной жидкости, отражаясь в лучах полуденного южного солнца, и было непонятно, то ли это солёный пот, вызванный жарой, а то ли слёзы — слёзы об утраченном женском счастье, о семье, которую у неё отняли, о времени, которое не вернуть.

«Я приеду, — мысленно пообещала она всем, кто был на фото. — Я приеду и скажу вам всё, что не успела. И попрощаюсь по-настоящему. Простите, что меня не было рядом в тот час».

Глава 2

Тень прошлого

Алевтина давно не называла себя так, наверное потому, что все друзья и знакомые, что в Израиле, впрочем, как и в России, называли её обыденно и просто — Алей. Но сейчас, стоя перед зеркалом в своей небольшой спальне, с видом на шумную улицу Тель-Авива, она произнесла это имя вслух, будто пробуя его на вкус. Оно звучало непривычно, тяжело, как приговор, как вызов — словно эхо далёкого прошлого, которое она так старательно пыталась оставить позади.

Зеркало отражало женщину лет тридцати пяти: тёмные волосы, собранные в небрежный пучок, несколько прядей выбились и падали на лицо;

усталые глаза с тенью печали, будто скрывающей целую историю невысказанных слов; тонкие губы, сжатые в прямую линию, — так, словно она готовилась к какому-то испытанию. Аля провела рукой по лицу, на мгновение остановившись на едва заметном шраме на лице после удаления уродливой опухоли, словно стирая следы времени, и тяжело вздохнула. Воздух в комнате

казался густым, почти осязаемым, а за окном раздавались привычные звуки города, гудки машин, голоса прохожих, отдалённая музыка.

Но всё это будто доносилось откуда-то издалека, не затрагивая её внутреннего мира.

Мысль о возвращении в Россию зрела давно, постепенно прорастая в сознании, как упрямый росток сквозь асфальт. Сначала это были лишь сны — обрывки воспоминаний, смутные образы, голоса, которые она не могла разобрать. Они приходили по ночам, тревожили её покой, заставляли

просыпаться в холодном поту. Потом — случайные находки, будто знаки судьбы: старая открытка с видом Москвы, которую она случайно увидела в витрине сувенирной лавки; книга на русском языке, купленная на блошином рынке почти без раздумий, просто потому, что знакомый шрифт вызвал волну ностальгии.

Но окончательно её укрепила находка в старом альбоме, который она почти не открывала все эти годы.

Альбом лежал на верхней полке шкафа, покрытый толстым слоем пыли — словно никто не тревожил его десятилетиями. Аля достала его, чихнула от поднявшейся пыли и осторожно открыла. Пожелтевшие страницы

хранили моменты прошлого: семейные праздники, поездки к морю, улыбки, которые уже не вернуть. Она листала страницы, узнавая знакомые

лица — мама, папа, дедушка Ицхак, тётя Сара... Каждый снимок был как окно в другую жизнь, давно ушедшую. И среди них — записка, сложенная вдвое. Она была написана на иврите, почерком дедушки Ицхака — неровным, но чётким, с характерным наклоном букв.

Аля развернула её дрожащими руками, чувствуя, как сердце начинает биться чаще. Буквы прыгали перед глазами, но она, заставила себя

сосредоточиться, и прочитала:

«Моя дорогая Алевтина, если ты это читаешь, значит, пришло время. Сокровища, о которых ты, возможно, слышала, спрятаны, где-то под Москвой.

Они не просто драгоценности, а часть правды, которую я не успел тебе рассказать. Берегись тех, кто кажется другом. И помни: кровь не всегда означает верность».

Сердце забилося чаще, почти оглушительно. Сокровища. Те самые драгоценности, из-за которых погибли её близкие. Те, что стали причиной

трагедии, разделившей её жизнь на «до» и «после». В памяти всплыли обрывки разговоров, шёпот взрослых, испуганные взгляды. Тогда она была

ребёнком и многого не понимала, но теперь эти слова обретали новый смысл.

Телефонный звонок раздался неожиданно, когда Аля уже упаковала чемодан он стоял открытым на кровати, наполовину заполненный вещами.

Она вздрогнула, но тут же взяла себя в руки, и, небрежно схватив «раскладушку», подарок дочери — продвинутой в сфере цифровых технологий, подняла на ней крышку и ответила, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Да?

— Аля, я знаю, что ты хочешь вернуться, — голос дяди Давида звучал непривычно мягко, почти ласково, и от этого по спине пробежал неприятный холодок. — И я могу помочь.

Она замерла, крепче сжимая телефон. Давид покинул Россию ещё в юности, по настоянию отца — того самого Ицхака. И теперь, спустя столько лет, вдруг проявил интерес к её планам. Что-то в его тоне насторожило её, но она не подала виду.

В голове промелькнули слова бабушки: «Берегись тех, кто кажется другом».

— Спасибо, дядя Давид, — тихо ответила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я буду рада твоей помощи.

В трубке повисла короткая пауза, а затем Давид сказал:

— Отлично. Я сейчас здесь в России, свяжусь с тобой завтра. Будь осторожна.

Связь прервалась, оставив Алю в тишине комнаты. Она медленно опустила на стол телефон, глядя на открытый чемодан. Решение было принято,

пути назад не было. Впереди её ждала Россия — страна, которую она когда-то называла домом, и тайны, способные изменить всё.

Глава 3

Игра начинается

Москва встретила Алю промозглым ветром и серым небом, затянутым тяжёлыми свинцовыми тучами. Город почти не изменился за те годы,

что она здесь не была: те же мрачные многоэтажки с облупившейся краской, те же подозрительные взгляды прохожих, словно каждый видел в

ней чужака, те же знакомые запахи: резкий — бензина, да сырость, пробирающая до костей с терпким ароматом дешёвого кофе из уличных ларьков, смешивающимся с дымом от проезжающих машин.

Она вышла из аэропорта, глубоко вдохнула холодный воздух и невольно поежилась. После жаркого Тель-Авива здешняя осень казалась особенно

суровой, пронизывающий ветер тут же забирался под пальто, а асфальт под ногами был мокрым от недавнего дождя. Аля подняла воротник, поправила

сумку на плече, взяла в руки чемодан и огляделась, выискивая среди толпы знакомое лицо.

Дядя Давид встретил её у выхода. Он сильно постарел с их последней встречи: седые волосы, глубокие морщины на лице, особенно заметные

вокруг глаз и у рта, но сами глаза остались прежними — холодными и расчётливыми, будто сканирующими всё вокруг. Он улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз — лишь слегка приподняла уголки губ, оставив взгляд по-прежнему напряжённым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.